

Мы с Жаном уезжаем в Сен-Тропе. Уже тогда это было экстравагантное место. Чтобы поддержать тон, нужно было соответствовать одеваться. Мы остановились в маленьком отеле «Ле Солей», куда по ночам доносилась музыка с танцплощадки «Пальмира».

Однажды утром к нам в отель зашли мои товарищи, одетые так, будто собрались уезжать, и сообщили, что они мобилизованы.

— Мобилизованы? Почему?
— Как почему? Ты не знаешь, что объявлена война?

Я ничего не знал. Мы с Жаном не читали газет и не придавали значения распространяющимся слухам.

— Но если вы мобилизованы, то и я, наверное, тоже.

— Какое у тебя мобилизационное предписание?

— Не знаю <...>

Добравшись до площади Маллен, я убедился, что не только мобилизован, но еще и опоздал на свой сборный пункт, находившийся в Версале. Я позвонил матери. Она была в отчаянии, и мне пришлось сделать крюк, чтобы проститься с ней. Как Жану, так и ей я предсказал, что вернусь через неделю. Я не верил фактам: войны не может быть. Это какой-то чудовищный обман. <...>

Опоздал не один я. Мне выдали военную форму, не следовало выговора. <...>

Вечером я вернулся в квартиру на площади Маллен. Мы поужинали с Коко Шанель, которая изъявила желание быть моей «крестной». Я отказался, дав ей понять, что хотел бы, чтобы она была «крестной» всей моей роты, и она согласилась. <...>

Мы отправляемся в путь в неизвестном направлении. Прибываем в Мондилье, в департаменте Сомма. Большая часть солдат спала в брезентовых палатках. Я сказал своим офицерам, что мог бы остановиться в той же гостинице, что и они, чтобы быть всегда под рукой, я могу сам платить за номер, поскольку они не имели права реквизировать номер для солдата. Они согласились. Как видите, для меня война началась весьма странным образом.

<...> Я начал работать над ролью в следующей пьесе — «Пишущая машинка». Мои товарищи издали наблюдали, как я разговариваю сам с собой, и принимали меня за помешанного.

Числился я в авиационной части: нечто вроде базы для «возможных» эскадрилий. «Возможных» потому, что самолетов мы никогда не видели.

Меня вызвал к себе лейтенант, командовавший единственной эскадрильей, которая была в нашем распоряжении. Он сказал:

— Когда носишь имя Жан Маре, следует доложить об этом своему командиру. Я видел вас в «Трудных родителях».

Из всех, кто находился на нашей базе, только он один и видел пьесу. Этот случай послужил мне уроком скромности. То, как меня принимали в Париже и Сен-Тропе, почти заставило меня поверить в свою известность.

Я ответил офицеру:
— Господин лейтенант, если бы я осмелился представиться, а вы бы мне ответили: «Жан Маре? Ну и что из этого?» — хорошенький у меня был бы вид.

Так все узнали, что я актер. Я плохо понимал эту войну, я не принимал ее. Возможно, окажись я на переднем крае, я вел бы себя иначе? <...>

В Париже Жан предпринимал отчаянные попытки получить пропуск, чтобы приехать

Газетный вариант.

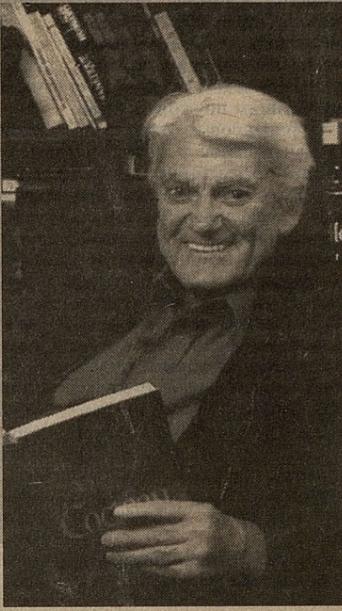
Книга воспоминаний Жана Маре «Жизнь актера» выходит в издательстве «Вагриус» в конце октября. Полный текст воспоминаний кинокумира тех, чье детство пришлось на 1950-1960-е, в России публикуется впервые.

Жан Маре в этой книге — отнюдь не кинокумир нашего детства. В ней нет слова «Фантомас» и едва упомянута «Железная маска». Но рассказано о шумном, горестном и артистичном детстве автора, о юности в Париже «между двумя войнами», о Жане Кокто, Пикассо, Макс Жакобе, Жане Жене, Коко Шанель, о театральной судьбе Маре, о съемках фильмов Ж. Кокто «Красавица и чудовище» (1946), «Трудные родители» (1948), «Орфей» (1949), «Завещание Орфея» (1959).

Однако мы выбрали главу о начале «странной войны» 1940 года. «Солдатская судьба» молодого, но уже знаменитого актера, спешно мобилизованного вместе со сверстниками, живописна, нелепа, горька. И что-то в ней есть, созвучное воздуху нынешней осени в Старом и Новом Свете. Хотя, конечно, развивать аналогии не хотелось бы.

Отдел культуры

Новая газ. - 2001. -
Жан МАРЕ 4-Форм.-с.б

ЖИЗНЬ АКТЕРА

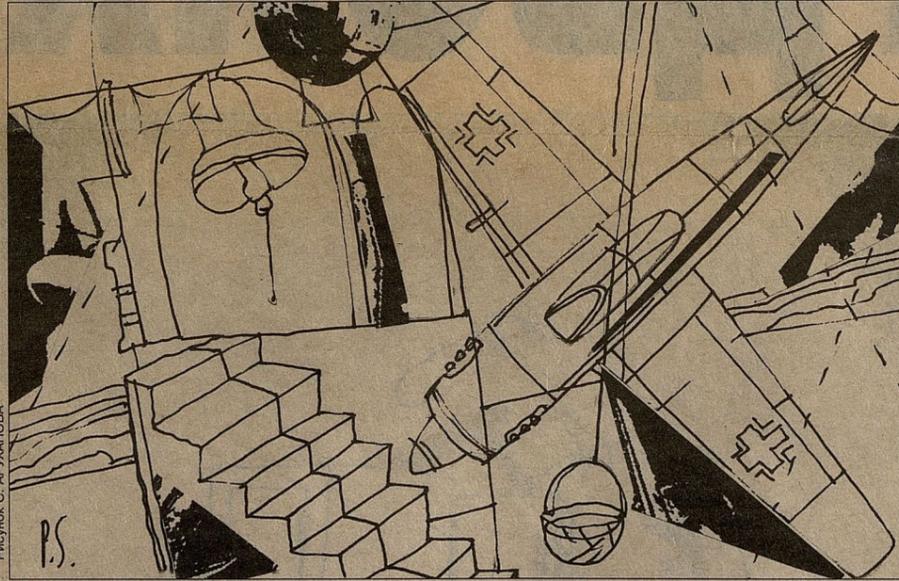

Рисунок С. АРУХАНОВА

ко мне и уговорить кого-нибудь отвезти его.

Коко Шанель заставила всю свою фирму работать на нашу роту: шить плащ-палатки, вязать свитера, перчатки. <...>

Жан привез шотландские пледы с фирменным знаком Шанель, свитера, шерстяные шляпы, перчатки, индивидуальные термосы, сигареты. Вскоре стали приходить целые фургоны с вином, теплыми вещами и сигаретами.

Коко Шанель на этом не остановилась. Она узнала, кто из солдат женат и имеет детей, доставила им адреса и послала на Рождество игрушки, платья, свитера, украшения. Она посылала женам и детям подарки от имени их мужей и отцов. Узнав у меня фамилии солдат, которые не получали писем, она решила и им сделать сюрприз, что стало причиной небольшой драмы. Один солдат, получивший посылку, поблагодарил свою жену, думая, что посылка от нее. Жена решила, что у мужа есть любовница. Бедняга пришел ко мне и стал расспрашивать, не я ли послал эту посылку.

— Умоляю тебя сказать мне правду.

И он рассказал о своем несчастье. Мне пришлось сознаться. Разумеется, тут же об

этом узнала вся рота. Сколько я ни объяснял, что это сделала мадемуазель Шанель, все благодарения приписали мне. <...>

Вскоре мы отбывали из Мондилье в Ами, это также в Сомме. Ами находится совсем рядом с Тиллолуа. Мы проходили через этот городок, направляясь к месту нового расквартирования. В Тиллолуа очень красивый замок XVI века. Офицеры обожают замки. Они решили остановиться здесь.

Нас встретила хозяйка — пожилая Дама в чепце. Увидев меня, она воскликнула: «Жанно!» — и бросилась меня обнимать.

Откуда эта дама знает меня? Наверное, это одна из знакомых Жана, которую я, как обычно, не узнал.

— Жанно, вы здесь у себя. Приходите, когда хотите. <...>

В Ами я снимал комнату с ванной, за которую платил сам. Машину у меня забрали. Я проводил дни за чтением, пиле или рисовал у себя в комнате, навещал Терезу д'Эннисдаэль в ее замке... Жан приезжал туда на выходные. Часто там бывали английские офицеры. На Рождество хозяйка дома — Дама в чепце — устроила

праздник в нашу честь. В конце ужина англичане запели «Марсельезу». Тереза побледнела. Наклонившись к Жану, она сказала:

— Как, эта революционная песня — у меня?!

Все ее предки были обезглавлены в 93-м под звуки этого гимна. <...>

Однажды меня вызвал офицер.

— Вас переводят на другую работу, — сказал он. — Вы отправитесь в Руа, на колокольню. Это самая высокая точка в окрестностях. Будете наблюдателем. Ваша задача — сообщать по телефону, когда появятся немецкие самолеты.

И вот я устроился со своей походной кроватью в большом квадратном помещении самой высокой башни в деревне, как раз под колоколами, звонившими каждые четверть часа. Колокольня была высотой, думаю, метров шестьдесят. Я поднимался туда по винтовой лестнице из четырехсот пятидесяти ступенек. Было маловероятно, что я отличу немецкие самолеты от французских. Как я говорил, у меня очень слабое зрение, и я не знал, как выглядят

те и другие.

На вершине колокольни был довольно широкий балкон. На балюстраде черной краской я нарисовал немецкие самолеты, чтобы облегчить себе задачу. В свою «жилую» комнату я принес керосинку, отвел уголок для кухни, отделив его от остальной части ширмой собственного изготовления, купил ткани, чтобы прикрыть походную кровать, из бутылей сделал лампы. На стены повесил фотографии Шанель, Жана, рисунки. Из ящиков смастерил письменный стол. Я пригласил Терезу д'Эннисдаэль на чай. Она вскарабкалась по четыремстам пятидесяти ступенькам в сопровождении своего сенбернара.

Чтобы сократить количество подъемов на башню, я договорился с рассыльным из булочной напротив церкви. Я спускался на веревке корзину, в которую клал список покупок и деньги.

По утрам я принимал душ в городской бане. Когда погода улучшалась, загорал на вершине своей колокольни. Жители Руа, которым было любопытно увидеть актера с колокольни, часто добирались до моего гнезда. Заслышав шаги, я поспешно одевался, чтобы меня не застали совершенно голым.

Ивонна де Бре подарила мне радиоприемник, редчайшую в то время вещь. Это был один из первых транзисторных приемников, конечно, американский, его можно было купить в магазине «Технические новшества». Я звонил по телефону девушке-рабочнице почты в Руа, и клал трубку на радиоприемник, таким образом они могли слушать музыку. Благодаря этому девушки-телефонистки питали ко мне симпатию. И когда я просил соединить меня с номером Жана в Париже, меня соединяли, предупреждая, чтобы я не говорил, где нахожусь (они знали военные правила).

Но Жан спросил, где я...

— Я не могу тебе сказать.

В этот момент колокола стали отбивать полдень. Приходилось кричать, чтобы услышать друг друга, и этого еще было недостаточно! Когда колокола замолкли, Жан сказал:

— Я понял, где ты находишься.

Я почти не видел немецких самолетов. В любом случае в моей роте не было ни зенитной батареи, ни эскадрильи. Если я проспался ночью, то звонил в роту, чтобы там думали, будто я дежуру, и сообщал:

— Вижу немецкую эскадрилью.

Однажды мне ответили:

— А нам какое дело?

Как-то утром я, как обычно, спустился принять душ и увидел хозяйев с узлами и чемоданами.

— Мы уходим, — сказали они, — немцы в пяти километрах, в Аме.

Я не поверил и сказал им об этом. Но они все равно ушли, а вместе с ними ушли все жители деревни. Торговцы оставили мне ключи от своих лавок.

— Берите все, что хотите, лучше пусть все достанется вам, чем немцам.

В бакалее напротив церкви было все: масло, консервы. Но мне придется подниматься и спускаться по четыремстам пятидесяти ступенькам, потому что булочник уехал вместе с остальными, оставив велосипед. Со своей колокольни я вижу, что он стоит у него во дворе.

Я остался один в маленьком пустынном городке, с брошенными кошками и собаками. Такое впечатление, что я гуляю по заколдованному городу. Но вскоре колдовство сменяется кошмаром: через деревню шли французские войска — беспорядочная толпа оборванных усталых солдат. Они, видимо, идут на отдых...

Пехотинцы заметили меня. Несколько человек направились ко мне, схватили за шиворот.

— Ты, сволочь, летчик, какого дьявола ты здесь делаешь? Где ваши чертовы самолеты?

— Видишь ли, я простой солдат, как и ты, и у нас нет самолетов.

Они ушли.

Я оставался один еще три или четыре дня. Наконец появились самолеты, в довольно большом количестве. Хотя они летели очень низко, ниже вершины моей колокольни, я не мог распознать их национальной принадлежности, я и правда очень близорукий. Но когда они принялись бомбить все вокруг, выбрав в качестве оси мою колокольню, я понял, чьи это самолеты. Тогда я, как безумный, начал танцевать и вопить, словно краснокожий. Я знал, что нахожусь в безопасности, раз моя колокольня является осью. Кроме того, я вовсе не похож на военного, поскольку я разделся догола. Я видел, как они убивают уже мертвый город. Я танцевал. Не знаю, почему, но я был охвачен непонятной радостью: радостью быть вне опасности, радостью быть единственным зрителем и еще радостью, что мог сказать: «Я видел немецкие самолеты, на этот раз я в этом уверен». Я танцевал. Потом бросился к телефону предупредить роту. Телефон отключен. «Зачем я здесь? Принес ли я хоть какую-то пользу?» — спрашивал я себя.

Во время бомбежки я не испытывал страха. Неужели мне удалось окончательно победить его? В глубине души я понимал, что ничем не рисковал тогда. Я поднялся на вершину своей колокольни, на бетонный крест и, стоя на нем, стал считать до шестидесяти, мне не было страшно. Я мог вернуться в свою роту.

Я натянул брюки, рубашку небесно-голубого цвета из «Трудных родителей», взял велосипед булочника и поехал. В роте меня встретили вопросом:

— Какого дьявола вам тут нужно? Немедленно возвращайтесь на свою колокольню!

Пришлось возвращаться. Навстречу шли наши войска. На меня смотрели с подозрением. Я взобрался по своим четыремстам пятидесяти ступенькам, лег на кровать. На лестнице послышался сильный шум. Я увидел направленные на меня ружья. Понимаю, что меня приняли за шпиона. Смейся. По лицам солдат ясно, что они не очень-то мне верят.

— Входите, не бойтесь, — сказал я. — Я здесь один, я наблюдатель на этой колокольне.

Они решили, что я буду отсюда подавать сигналы немцам. Тогда я показал фотографии Кокто, Шанель, нарисованные мною самолеты, свою кухню. Предложил выпить и взять консервы, которые им понравятся. Они ушли очень довольные.

Через некоторое время из роты за мной прислали грузовик. Я всегда удивлялся, что обо мне не забыли. Я прибыл в роту, когда был получен приказ отступления, если только офицеры сами не решились бежать. Мы отступали. Солдаты шутили: «Вперед, до испанской границы». Нельзя было сказать вернее: мы почти дошли до нее.

Я не успел проститься с графиней. Но с колокольни я видел, что ее замок не пострадал. Он был разрушен позже, во время других бомбежек.

Замок славной графини уже подвергнулся разрушению во время войны 1914-1918 гг., а она сама была задержана как шпионка. Единственный сохранившийся в замке туалет находился сверху уцелевшей башни. Свет, который там зажигался во время кратких пребываний, принимал за сигналы.

Тереза восстановила замок из камней крепостной стены после войны 1914-1918 гг. Ей пришлось восстанавливать его еще раз в 1945 году.

Перевод с французского Е. ТУРЫШЕВОЙ

20